

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы
«Европейское наследие»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

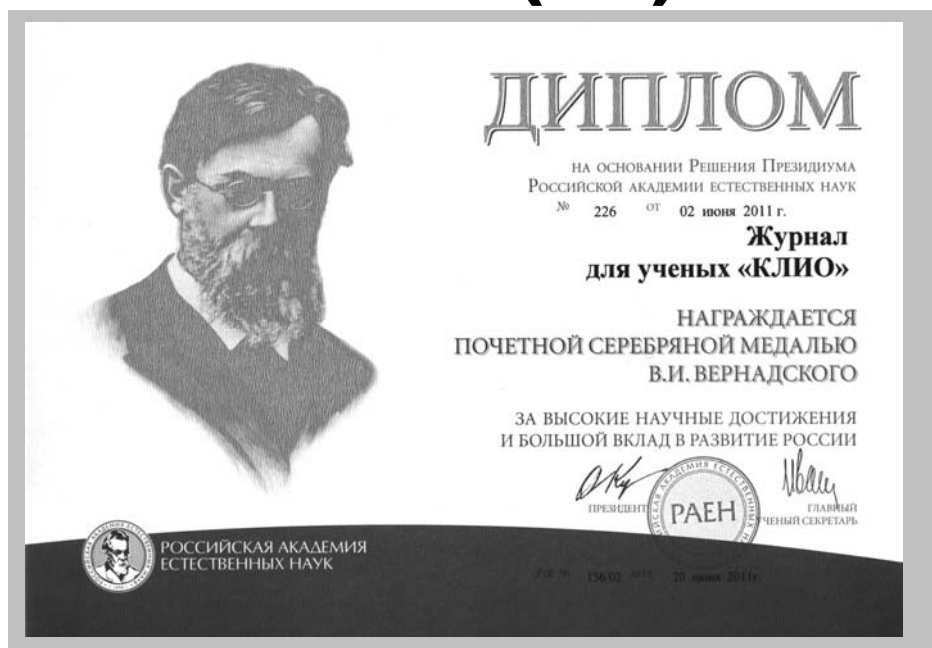
ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых № 12 (84)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011
Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом
за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »
2013

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полторак». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru <http://clioscience.com/>

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

при поддержке

Российского гуманитарного научного фонда

грант № 13-01-14011

Скворцов Н.Г. (Санкт-Петербург). Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: к 150-летию юбилею..... 3

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Батурич Ю.М. (Москва). Методология построения исторической причинно-следственной связи А.С. Лаппо-Данилевского и ее значение для других наук	5
Берус В.В. (Барнаул). А.С. Лаппо-Данилевский о субъективности и великой индивидуальности	8
Ветохина В.А. (Кривой Рог). Метод сравнительно-исторического исследования в теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского	9
Гурская Н.В. (Тольятти). История культуры и культурологические концепции в историко-философских трудах А.С. Лаппо-Данилевского	10
Дорошенко Н.М. (Санкт-Петербург). Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории	13
Комочев Н.А. (Москва). Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского	16
Приймак Н.И. (Санкт-Петербург). Понятие «исторический источник» в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского	19
Ростовцев Е.А., Потехина И.П. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве	23
Румянцева М.Ф. (Москва). Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru.	28
Тихонова В.Б. (Санкт-Петербург). Работы А.С. Лаппо-Данилевского в контексте исторической антропологии	31
Трапш Н.А. (Ростов-на-Дону). Источники смешанного характера» в теоретической концепции А.С. Лаппо-Данилевского и исследовательской практике современного историка: опыт творческой интерпретации	34
Цамутали А.Н. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников	37
Чернобаев А.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей российской историографии	40

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. (Челябинск). Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников	46
Илизаров С.С. (Москва). Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского	50
Афиани В.Ю. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Вернадский: стремление к генерализации прошлого.....	55
Басаргина Е.Ю. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета	57
Гришин К.П. (Брянск). Личные и научные взаимоотношения академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова	60
Демяновский Н.А. (Санкт-Петербург). Лаппо-Данилевский и издание «Мемуаров короля Станислава Августа»	64
Долгова Е.А. (Москва). Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923)	67
Зонова Н.С. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и делегации российских ученых на международных конгрессах исторических наук начала XX в.	71
Киреева Р.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии	73
Корзун В.П. (Омск). А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике	77
Лаппо-Данилевский К.Ю. (Санкт-Петербург). Семья Лаппо-Данилевского: истоки и традиции.....	83
Малинов А.В. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – организатор социологической науки в России.....	102
Сидорчук И.В. (Санкт-Петербург). Аполитичность А.С. Лаппо-Данилевского в контексте изучения его научного наследия	105
Рамазанов С.П. (Волгоград). Гносеологические и социальные контексты методологических исканий А.С. Лаппо-Данилевского»	108
Ратьковский И.С. (Санкт-Петербург). Перекрестки судеб: А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов в 1918 г.	112
Тихонов И.Л. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и археология	115
Трибунский П.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина	120

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Адоньева И.Г. (Новосибирск). «Французский элемент» историко-правового дискурса журнала «Русский вестник» в 1856–1862 гг.	127
Воробьева Н.Н. (Санкт-Петербург). Церковно-историческая наука в России на рубеже XIX–XX веков: проблемы истории раннего христианства и поиск самоидентичности	129
Воскресенская М.А. (Санкт-Петербург). Историософия Серебряного века	132
Дворниченко А.Ю. (Санкт-Петербург). From US with love and care: феномен Георгия Вернадского	135
Дроснева Э. (София, Болгария). Санкт-Петербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв.	138
Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону). Источниковедение культуры, или Феноменологический метод в современной российской историографии	142
Кривошеев Ю.В. (Санкт-Петербург). К государственным и общественно-политическим взглядам М.К. Любавского	145
Мининкова Л.В. (Ростов-на-Дону). В.О. Ключевский о Земском соборе 1613 г. в свете теории вотчинного государства	147
Муртузалиев С.И. (Москва). Зарождение российской историографии «болгаристики османского периода (XV – середина XIX в.)	150
Поляков И.А. (Санкт-Петербург). С.Б. Веселовский и его наследие в коммеморациях историографии и памяти общества	153
Синельников Д.П. (Санкт-Петербург). Повторение непройденного: уроки русских историков-неокантианцев	158
Сиренов А.В. (Санкт-Петербург). Петербургский историк Алексей Федорович Малов	161

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРИБУНСКИЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
Тел.: 8 (915) 590-49-55; E-mail: pt2140@yandex.ru

Статья посвящена истории создания воспоминаний В.Г. Дружинина и отражению личности и деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в них.

Ключевые слова: воспоминания, образ, В.Г. Дружинин, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, В.Д. Бонч-Бруевич.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ В.Г. ДРУЖИНИНА

Мемуарные свидетельства о петербургском/петроградском историческом сообществе конца XIX – начала XX в. (в том числе и об А.С. Лаппо-Данилевском) весьма немногочисленны и сравнительно невелики по объему. На этом фоне резко выделяются воспоминания историка, археографа и коллекционера Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936), как по времени охвату (1870-е – начало 1920-х гг.), так и по размеру произведения. Русское археологическое общество, Археологическая комиссия, Археографическая комиссия, имп. Академия наук/Российская академия наук, историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета – вот далеко не полный перечень институций, к деятельности которых был прикосновен Дружинин, занимая в некоторых из них ответственные должности. Участие в многочисленных проектах, активное коллекционирование, финансовая независимость и, соответственно, минимальные карьерные устремления и связанные с ними конфликты, миролюбивый незлобивый характер – все это способствовало тому, что в числе многочисленных знакомых и друзей Дружинина можно найти представителей разных социальных и интеллектуальных слоев столицы и провинции.

Освоение столь информационно-богатого источника началось сравнительно недавно, в основном в виде публикаций или пересказа подборки данных из мемуаров Дружинина о тех или иных деятелях и учреждениях¹. История создания воспоминаний специально не изучалась, равно как и их состав. Исследователи ограничиваются указаниями отдельных фактов и общими рассуждениями, отметим, не всегда безупречными². Ниже сделана попытка рассмотреть в общих чертах историю создания мемуаров, их состав и бытование. Отдельно будут рассмотрены случаи упоминания Дружининым А.С. Лаппо-Данилевского, сопровождаемые критическими комментариями.

Начало мемуаротворчества В.Г. Дружинина напрямую связано с теми бедствиями, что выпали на долю автора на рубеже 1920–1930-х гг. Внешне спокойная и устроенная пореволюционная жизнь Дружинина неожиданно закончилась: 13 ноября 1929 г. его уволили из Академии наук СССР, а 25 июня 1930 г. – арестовали. Постановлением «тройки» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 10 февраля 1931 г. Дружинин был приговорен к заключению в концлагерь сроком на пять лет. С 9 марта отбывал наказание в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения, где находился 1 год и 4 месяца. Постановлением коллегии ОГПУ от 23 мая 1932 г. концлагерь был заменен лишением права проживания в двенадцати крупных городах СССР и Уральской области на трехлетний срок³. Местом административной высылки Дружинин избрал город Ростов, тогда входивший в состав Ивановской промышленной области, куда приехал 16 июля 1932 г. Дружинин поселился на улице Декабристов, дом 3⁴.

Положение 73-летнего старика было отчаянным: в Ленинграде семья (в том числе сошедшая с ума супруга) оказалась в трудной финансовой ситуации, власти конфисковали у ученого его библиотеку и коллекцию поморского медного литья⁵. Сам он вследствие увольнения в ходе чистки Академии наук по первому разряду лишился права на пенсию и любые государственные пособия, не имел возможности устроиться ни на какую должность⁶.

Попытки найти какую-либо работу в Ростове не увенчались успехом, и Дружинин оказался на иждивении сына⁷. В столь бедственном положении Дружинин не сразу, но решил попросить о содействии в освобождении знакомого ему видного советского деятеля, В.Д. Бонч-Бруевича (1873–1955). Последний был известен Дружинину еще с дореволюционных пор как исследователь и издатель материалов по раскольникам и сектантам. Заочно познакомившись они благодаря переписке: отошедший от активной государственной деятельности Бонч-Бруевич оказался вовлеченным в ряд историко-литературных проектов на государственном уровне и в течение 1928–1930 гг. несколько раз пробовал уговорить Дружинина предоставить для публикации или продать материалы русских писателей, осевшие в архиве последнего. Член-корреспондент АН СССР Дружинин, избалованный вниманием историков литературы, особенно в год столетнего юбилея Л.Н. Толстого, оказался глух к призывам Бонч-Бруевича⁸. Теперь Дружинину приходилось выступать в роли просителя. В письме от 3 ноября 1932 г. он умолял Бонч-Бруевича помочь ему вернуться в Ленинград. Стараясь убедить корреспондента, Дружинин предлагал «приготовить к изданию известные Вам письма и дневники, над которыми уже работал». В ответном послании от 21 декабря 1932 г. заместитель председателя незадолго до того созданной Комиссии по устройству Центрального литературного музея Бонч-Бруевич, давая советы, куда обратиться с ходатайством, настоятельно рекомендовал Дружинину начать работу над собственным архивом или же «его продать для нашего Центрального Литературного музея»⁹.

В последовавшей переписке (декабрь 1932 – январь 1933 г.) между Дружининым и Бонч-Бруевичем начался завуалированный торг. Дружинин не желал продавать литературный архив своего дяди, писателя и критика А.В. Дружинина (1824–1864), и пытался использовать архив в качестве инструмента давления на Бонч-Бруевича, дабы тот способствовал возвращению первого в Ленинград. Бонч-Бруевич, не реагируя на намеки Дружинина, вел речь исключительно о материалах, соблазняя владельца тем, что после продажи он смог бы заняться их научной обработкой по машинописным копиям, изготовленным в музее¹⁰. По-видимому, в марте 1933 г. В.Г. Дружинин принял решение продать архив А.В. Дружинина, с тем, чтобы деньги поступили семье сына. В апреле-мае материалы архива были отправлены в организующийся Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. В апреле и мае 1933 г. состоялись и две первые выплаты на сумму 800 руб.¹¹ Деньги пришлись как раз кстати: в мае 1933 г. началась эпопея с выселением семьи А.В. Дружинина из академической квартиры по адресу: Университетская набережная, д. 5, кв. 17. Семья была вынуждена переехать в полуподвальное помещение, малопригодное для жизни, по адресу: улица Петра Лаврова, д. 49, кв. 32¹². Накануне выселения скончалась супруга В.Г. Дружинина – Евдокия Александровна¹³.

После получения архива А.В. Дружинина Бонч-Бруевич в письме от 20 мая 1933 г. попросил бывшего владельца сообщить детали о дневнике писателя, пригласив Дружинина написать «по поводу [его] небольшую статью, (хотя бы в форме воспоминаний), это будет еще лучше и мы, конечно, ее Вам сейчас же оплатим». В упомянутом выше послании Бонч-Бруевич ангажировал Дружинина и на

создание собственных мемуаров: «Вообще, я очень хотел бы просить Вас, не найдете ли возможным в Вашем Ярославском уединении начать писать Ваши записки о всех Ваших литературных встречах, знакомствах, различных документах, Ваших исследованиях и т.д., и т.д. Это было бы очень интересно, и мы бы охотно все это напечатали бы»¹⁴. Хотя Бонч-Бруевич не называл места печатания, вне всякого сомнения, он имел в виду выходивший с 1932 г. альманах «Звенья», в редактировании которого он принимал самое непосредственное участие. Гонорар за публикацию воспоминаний должен был поддержать Дружинина материально.

Дружинин незамедлительно ухватился за предложение. Основываясь на семейных воспоминаниях, им был подготовлен очерк «А.В. Дружинин и его дневник». Датой окончания указано 29 мая 1933 г., и в тот же день паспорт дневника был отправлен Бонч-Бруевичу¹⁵. Забегая вперед, скажем, что очерк увидел свет лишь в 1986 г.¹⁶ В письме от 23 мая 1933 г. Дружинин выразил полную готовность начать писать и собственные мемуары, позже получившие название «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах». Правда, было техническое затруднение – отсутствие у Дружинина бумаги для сочинительства. 26 мая первая партия бумаги была выслана мемуаристу¹⁷. Заметим, что постоянными призывами прислать бумагу и перья будут наполнены многочисленные письма Дружинина к Бонч-Бруевичу в течение 1933–1935 гг.

Заказ на воспоминания сильно приободрил Дружинина. Он получил возможность забыть о материальных и моральных трудностях ссылки благодаря интеллектуальному труду. Грел душу и обещанный гонорар за публикацию. Уже 8 июня 1933 г. первая порция воспоминаний с двумя очерками – об А.В. Дружинине и Д.В. Григоровиче – была отправлена Бонч-Бруевичу. Эти и последующие очерки представляли собой беловые автографы с незначительной авторской правкой. Текст был писан на отдельных листах бумаги с двух сторон. Судя по письмам Бонч-Бруевичу, Дружинин сперва писал черновые очерки, которые потом перебелил¹⁸. Указанный факт дезавуирует утверждения некоторых исследователей о том, что воспоминания Дружинина «есть первичный, не отредактированный автором материал, допускающий частые повторы и непоследовательности изложения»¹⁹. Природа повторов кроется в другом: Дружинин изначально создавал воспоминания, придерживаясь хронологического порядка изложения событий, но придавая им очерковую форму. Его мемуары – это набор законченных рассказов об отдельных примечательных личностях (историках, археографах, археологах, писателях, коллекционерах) и учреждениях, в которых ему довелось учиться, служить, присутствовать на заседаниях. Учитывая, что многие из персонажей очерков принимали участие в деятельности институций, о которых писал Дружинин, появление повторяющихся сюжетов вполне ожидаемо. Отметим, что повторы немногочисленны, и, как это будет показано ниже при разборе известий об А.С. Лаппо-Данилевском, одни и те же сюжеты в разных очерках содержат неодинаковый набор фактов.

Подготовленные мемуарные очерки Дружинин периодически посылал Бонч-Бруевичу, тщетно прося последнего поделить с ним впечатлениями от воспоминаний. В середине июля 1933 г. пришел первый аванс в 100 руб. от редакции альманаха «Звенья» в счет будущей публикации, что, без сомнения, приободрило мемуариста. Начиная с 19 июля 1933 г., Дружинин начал нумеровать и вести учет посылаемых Бонч-Бруевичу страниц воспоминаний (сводную таблицу высылки воспоминаний см. ниже). Наряду с «Воспоминаниями о литературных встречах и знакомствах» Дружинин подготовил очерки «Описание сельца Марьинское» и «Букинисты с 1874 по 1915 г.», беловые экземпляры которых были отправлены Бонч-Бруевичу 7 ноября и 30 декабря 1933 г. соответственно. Высылая Бонч-Бруевичу раз за разом порции мемуаров, Дружинин постоянно интересовался возможными сроками публикации своих воспоминаний, надеясь на получение очередного аванса, своего единственного заработка²⁰.

Сам Бонч-Бруевич становился все менее оптимистичен относительно ранее обещанной публикации и в письме от 2 ноября 1933 г. откровенно признался Дружинину: «Я вижу, что в “Звеньях” Ваши записки еще не скоро могут быть напечатаны, так как до Вашей рукописи поступило очень большое количество материалов, а “Звенья” печатаются все-таки очень тихо. Так, может быть, будет лучше, если я Ваши записки предложу нашему музею, который, может быть, купит их у Вас как материал, как таковой. Это будет скорее. И к расчету деньги Вы получите скорее. Но когда эта Ваша работа в “Летописи” музея будет напечатана, мне сказать трудно». Аванс, ранее выплаченный «Звеньями», в случае покупки воспоминаний музеем следовало бы вернуть²¹.

Заручившись согласием Дружинина, Бонч-Бруевич в конце ноября 1933 г. предложил фондовой комиссии музея купить воспоминания первого. Комиссия поддержала предложение о приобретении за 1000 руб. двух мемуарных произведений В.Г. Дружинина – описания сельца Марьино (Марьинское), где находилось имение А.В. Дружинина, и собственно воспоминаний. Дружинин был весьма благодарен Бонч-Бруевичу за удачное решение вопроса. Сумму в 1000 руб. Дружинин покрыл своими мемуарами (1250 с.) к концу июля 1934 г.²² По-видимому, Дружинин большую часть выплаты от музея отправил своей семье в Ленинград. Уже с марта 1934 г. в его письмах Бонч-Бруевичу настойчиво проводится мысль о написании продолжения мемуаров с соответствующей новой оплатой. Бонч-Бруевич идею Дружинина поддержал. В недатированном письме (апрель 1934 г.) Дружинин уже откровенно просит дать аванс в 500 руб. в счет продолжения воспоминаний. Другой возможностью Дружинину виделась авансированная уплата за его собственный архив. Бонч-Бруевич еще в апреле 1933 г. тщетно пытался заполнить архив В.Г. Дружинина через его сноху, Галину Марковну. Теперь Бонч-Бруевич настойчиво возвращался к архиву в каждом письме, отказываясь высылать аванс до присылки документов в музей. Сам Дружинин несколько раз уверял Бонч-Бруевича в том, что разрешил сыну продать свой архив в музей²³.

Был ли искренен Дружинин? По-видимому, обещая Бонч-Бруевичу присылку архива, Дружинин на самом деле затягивал дело, пытаясь решить свои материальные проблемы путем написания мемуаров с последующей их оплатой. Дружинин стабильно продолжал слать в музей свои воспоминания порциями по 50 листов. Помимо этого он дал согласие на продажу хранившихся у него дневников И.А. Шляпкина (февраль 1935 г.). Но по ряду причин выплаты и за воспоминания, и за дневник Шляпкина несколько задержались. Зависа от выplat за мемуары, в мае-июне 1935 г. Дружинин оказался в тяжелом положении: хозяйка дома пригрозили выселить его за неуплату, не хватало денег на продукты питания²⁴. Но даже в таких сложных условиях Дружинин писал воспоминания, сделав последнюю высылку 31 мая. В июньских письмах Дружинин сообщает о продолжении работы над мемуарами²⁵, которые, по-видимому, не сохранились.

На фоне непрекращающихся писем Дружинина в музей с требованием расплатиться за высланные мемуары начали разворачиваться события, приведшие к тому, что он покинул Ростов. В декабре 1932 г. Бонч-Бруевич рекомендовал писать в комиссию по амнистиям. Дружинин и его сын тогда не стали подавать прошения. Заявление на имя прокурора о передаче Дружинина на поруки сыну было написано в апреле 1934 г. и при посредничестве Бонч-Бруевича доставлено до адресата. Последствием оно не имело. Второе подобное заявление на имя председателя ЦИК СССР М.И. Калинина было также отправлено через Бонч-Бруевича в мае 1935 г. Из секретариата ЦИК заявление в начале июля было переслано в Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Тогда же, в начале июля, А.В. Дружинин получил открытку от хозяев из Ростова «с просьбой взять его [В.Г. Дружинина] от них, ввиду его слабого состояния и необходимости ухода за ним». 6 июля А.В. Дружинин прибыл в Ростов, где обнаружил «отца,

действительно, в ужасном состоянии: надвигающаяся слепота, фурункулы, слабость и отсутствие ухода довели его до крайнего запущения, к тому же сама проходная комната, в которой он жил, кишела тараканами и клопами. Нервы отца так расшатались, что он не мог разговаривать без слез». Получив в Главном управлении уверения, что до получения ответа сын мог взять отца к себе, но не более чем на месяц, Дружинины 6 июля выехали в Ленинград. Однако местные власти сочли приезд В.Г. Дружинина нарушением закона и потребовали немедленно покинуть город. Из Ленинграда Дружинин лично послал в музей последнюю порцию из 24 снимков. 20 июля он вместе со снохой и внучкой уехал на лето в деревню Бор, находившуюся рядом со станцией Пола, недалеко от Старой Руссы тогдашней Ленинградской области²⁶. Данными о последнем периоде жизни В.Г. Дружинина я не располагаю. Скончался он 15 января 1936 г. в Ленинграде²⁷.

Высылка Дружининым в музей написанных в 1933–1935 гг. воспоминаний шла следующим образом (см. таблицу).

Как видно из таблицы, Дружинин трудился над воспоминаниями весьма напряженно, подготавливая иногда до 200 страниц в месяц (около трех печатных листов). Причины отсутствия присылок текста в некоторые месяцы доподлинно неизвестны. Лишь однажды в письме Бонч-Бруевичу Дружинин сообщил, что не может писать мемуаров, так как не зажил палец²⁸. В других случаях на ум приходят прежде всего болезни и общее недомогание, вызванное старостью Дружинина. Отметим, что в годы писания мемуаров возраст Дружинина изменился с 74 до 76 лет.

В результате деятельности Дружинина в 1933–1935 гг. в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики (после объединения в 1934 г. с Литературным музеем при Всесоюзной библиотеке СССР им. В.И. Ленина получившим название Государственный литературный музей) поступило 1851 страница воспоминаний. В 1941 г. произошла передача материалов музея, в том числе и фонда Дружининых, в Главное архивное управление НКВД. Переданные документы легли в основу созданного в том же году Центрального государственного

Динамика высылки В.Г. Дружининым текста «Воспоминаний о литературных встречах и знакомствах» (1933–1935 гг.)*

Год	Месяц	Дата высылки	Высланные страницы	
1933	июль	19 июля	1–50	
	Итого за месяц: 100 страниц	26 июля	51–100	
	август	август (между 8 и 17)	101–150	
	Итого за месяц: 100 страниц	17 августа	151–200	
	сентябрь	9 сентября	201–250	
	Итого за месяц: 50 страниц			
	октябрь	6 октября	251–300	
Итого за месяц: 50 страниц				
1934	ноябрь	ноябрь (после 7)	301–350	
	Итого за месяц: 50 страниц			
	декабрь	23 декабря	351–400	
	Итого за месяц: 50 страниц			
	январь		9 января	400–451**
			17 января	451–500
		Итого за месяц: 150 страниц	30 января	501–550
февраль		6 февраля***	551–600	
		14 февраля	601–650	
	Итого за месяц: 150 страниц	21 февраля	651–700	
март		2 марта	701–750	
		9 марта	751–800	
	Итого за месяц: 200 страниц	17 марта	801–850	
апрель		28 марта	851–900	
		апрель****	901–950	
	Итого за месяц: 100 страниц	30 апреля	951–1000	
май		15 мая	1001–1050	
	Итого за месяц: 50 страниц			
июнь		1 июня	1051–1100	
		16 июня	1101–1150	
	Итого за месяц: 150 страниц	27 июня	1151–1200	
	июль		июль*****	1201–1250
		Итого за месяц: 50 страниц		
	сентябрь		сентябрь*****	1251–1300
		Итого за месяц: 100 страниц	16 сентября	1301–1351**
	октябрь		1 октября	1351–1400
		Итого за месяц: 50 страниц		
	ноябрь		3 ноября	1401–1450
Итого за месяц: 100 страниц		16 ноября	1451–1500	
декабрь		2 декабря	1501–1550	
	Итого за месяц: 50 страниц			
1935	январь	2 января	1551–1600	
	Итого за месяц: 50 страниц			
	март		15 марта	1601–1650
		Итого за месяц: 100 страниц	24 марта	1651–1700
	апрель		6 апреля	1700–1750
Итого за месяц: 100 страниц		22 апреля	1751–1800	
май		31 мая	1801–1851	
	Итого за месяц: 50 страниц			
Итого за июль 1933 – май 1935 г.		1851 нумерованная страница		

* Таблица составлена по: НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 23–25, 27, 28 об., 29–31, 37, 41; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 36, 37, 39, 41, 46–48, 50, 53, 55, 56, 58, 59, 62–64, 66, 69, 71, 72, 84, 88, 91, 100, 103, 131, 136, 152 об., 161, 174.

** В ряде случаев нумерация страниц воспоминаний была В.Г. Дружининым спутана.

*** В.Г. Дружинин ошибочно датировал высылку 6-м января 1934 г. (см.: Там же. Л. 36).

**** Даты отправки нет. Получено 2 июня 1934 г. (см.: Там же. Л. 62).

***** Даты отправки нет. Получено 25 июля 1934 г. (см.: Там же. Л. 69).

***** Даты отправки нет. Получено 21 сентября 1934 г. (см.: Там же. Л. 88).

литературного архива СССР (с 1952 г. – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, с 1992 г. – Российский государственный архив литературы и искусства). В РГАЛИ «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» Дружинина сохраняются и по сей день²⁹. Мемуары, равно как и два очерка, «Описание сельца Марьинское» и «Букинисты с 1874 по 1915 г.», остаются до сих пор неопубликованными.

Рассмотрев обстоятельства появления воспоминаний В.Г. Дружинина, перейдем к тем их страницам, где речь идет об А.С. Лаппо-Данилевском. Несмотря на активные контакты Дружинина и Лаппо-Данилевского в 1880–1890-е гг., совместное участие в деятельности ряда учреждений (Русское археологическое общество, Археологическая и Археографическая комиссии) и неформальных научных сообществ («субботы» Е.Е. Замысловского, «кружок русских историков»), их отношения никогда не становились предметом научного изучения. Проведенное исследование писем Лаппо-Данилевскому к Дружинину позволило мне предположить, что первоначальные дружеские чувства между ними быстро сошли на нет. Причина крылась в охлаждении отношений между Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым, верным приверженцем последнего выступил Дружинин. Деловые контакты между Лаппо-Данилевским и Дружининым возникали спорадически и всегда оказывались связанными с научными проектами, находившимися на пересечении интересов и занятий двух ученых³⁰.

В воспоминаниях Дружинина Лаппо-Данилевскому посвящен отдельный очерк. Помимо него сюжеты, связанные с Лаппо-Данилевским, присутствуют в рассказе о Е.Е. Замысловском, А.А. Кунике, Н.П. Павлове-Сильванском, «кружке русских историков», Союзе российских архивных деятелей.

В очерке детали биографии Лаппо-Данилевского указаны Дружининым минимально. Мемуарист основное внимание уделяет личностной характеристике Лаппо-Данилевского и оценке его действий в качестве члена ученой корпорации и научных учреждений. Дружинин начинает с персональных качеств, сопровождая их оценкой материальной стороны жизни Лаппо-Данилевского: «студенту Лаппо-Данилевскому не приходилось добывать денег уроками. Он был прекрасно образован, рано начитан и говорил на четырех новых языках. Но он был человек, по-видимому, плохо воспитан и очень угловат в обращении с людьми. У меня всегда были с ним хорошие отношения. С равными себе и с учениками он обращался хорошо; но с высшими себе обращался надменно, когда это было для него безопасно. Но когда это было нужно, держал себя очень почтительно»³¹. Начало этой характеристики, на первый взгляд, звучит неожиданно. Чуть ранее в воспоминаниях Дружинин говорил о себе в аналогичных выражениях: университетские годы были для него счастливым временем, поскольку он «не имел надобности добывать средства для жизни»³². Но все становится на свои места, если предположить, что Дружинин сравнивал Лаппо-Данилевского не с собой, а с С.Ф. Платоновым. Действительно, последний в годы обучения в университете имел нестабильное финансовое положение, давал уроки. Забегая вперед, отметим, что далее по тексту Дружинин уже открыто начнет противопоставлять Платонова Лаппо-Данилевскому. Угловатость Лаппо-Данилевского ярко контрастировала с предельно корректной и дипломатичной манерой общения Платонова с представителями различных социальных групп. Настаивая, что «у меня всегда были с ним [Лаппо-Данилевским] хорошие отношения», Дружинин явно стремился казаться беспристрастным, что, как увидим ниже, ему удалось не вполне.

В качестве примера бестактного поведения Лаппо-Данилевского мемуарист приводит описание одной из традиционных «суббот» у Е.Е. Замысловского, когда первый, обращаясь к супруге профессора, Е.Н. Замысловской, и Н.Н. Платоновой, «протянулся через весь стол и громко сказал Надежде Николаевне: “Зачем Вы сюда приехали? Здесь такая скука!” Слышала это и Замысловская». Справедливый гнев Дружинина со товарищи не

заставил Лаппо-Данилевского изменить своей позиции, более того, он «удивился, возражая, что сказал только правду!»³³. Неприемлемость данной ситуации для Дружинина, как представляется, заключалась в том, что Лаппо-Данилевский был учеником Замысловского, близким ему человеком, посещавшим «субботы»³⁴. Обращение Лаппо-Данилевского к Н.Н. Платоновой, супруге друга, лишь усиливало негативный эффект от поступка. Отметим, что положительных примеров поведения Лаппо-Данилевского, например патронирование учеников, общение с равными ему, упомянутые выше, Дружинин не назвал.

Дружинин сообщает весьма выборочную информацию об участии Лаппо-Данилевского в неформальных сообществах и научных институциях. Так, относительно «кружка русских историков» Дружинин лишь сообщает, что Лаппо-Данилевский был его членом³⁵. Дружинин упоминает членство Лаппо-Данилевского в Археологической и Археографической комиссиях, но приводит данные только относительно последней. Отметим, что Лаппо-Данилевский (и Платонов) были избраны членами Археографической комиссии 20 сентября 1894 г., Дружинин – 27 января 1896 г. После смерти П.А. Гильдебранда Дружинин 5 марта 1903 г. был выбран председателем комиссии³⁶.

Деятельность Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии, по Дружинину, носила негативный характер. Прежде всего, Лаппо-Данилевский «испортил одно назревшее предприятие, совершенно не понимая и не умея отличить теорию от практики». По словам Дружинина, Археографическая комиссия изыскала возможность переиздания «Актов Археографической экспедиции», «которые были необходимы студентам как пособие, но которое на рынке стоило 25 р., т.к. все издание сгорело в 1863 г. (на самом деле, в 1862 г. – П.Т.) при пожаре Апраксина двора». «Новое издание стоило бы всего пять рублей и было бы прекрасным пособием для учащихся, – утверждал Дружинин. – ...В заседании комиссии, когда обсуждался вопрос о новом издании этих актов, Лаппо-Данилевский стал проводить прямолинейную мысль о том, что комиссии не подобает перепечатывать несовершенных изданий». Дружинин не отрицал ошибок в актах и считал возможным их оговорить, тогда как Лаппо-Данилевский «не хотел понять то, что нужно дать учащимся в руки дешевое пособие». Комиссия поручила своему члену Н.П. Павлову-Сильванскому изучить ошибки предыдущего издания. Результаты исследования были опубликованы, тогда как от переиздания «Актов Археографической экспедиции» комиссия отказалась³⁷. Протоколы комиссии расставляют акценты по-иному. На редакционном совещании 7 февраля 1904 г. собравшие признали необходимым републиковать «Акты Археографической экспедиции», предварительно обсудив лучший способ издания. Выступивший на редакционном совещании 21 января 1905 г. с докладом о желательности переиздания «Актов» как для ученых, так и для учащихся, председатель комиссии В.Г. Дружинин лишь обозначил два возможных подхода: стереотипное издание и издание, проверенное по подлинникам. С указаниями ошибок первого издания выступили несколько членов совещания (в том числе Лаппо-Данилевский), в результате чего совещание, а вслед за ним и комиссия (22 марта) поддержали их позицию, признав, что стереотипный способ издания, «хотя и более легкий и быстрый, повторил бы ошибки первого издания и потому уменьшил бы научную ценность нового издания». Правильным был признан исключительно второй способ издания, для верного суждения о подготовке которого Павлову-Сильванскому поручили исследовать погрешности опубликованных «Актов». Доклад Павлова-Сильванского прозвучал на редакционном совещании 15 марта 1905 г. и после продолжительной дискуссии был одобрен в следующем виде (5 мая – комиссией): принять предложение докладчика об исправленном слитном издании трех основных сборников актов («Акты Археографической экспедиции», «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим»), поставив верхней хронологической границей 1626 год (московский пожар). Ценные акты,

изданные в извлечениях, должны были быть вновь подготовлены полностью. Однако редакционное совещание 5 декабря 1906 г. отвергло идею слитного издания актов трех сборников. Перспективным было признано издание коллекции актов П.М. Строева, хранившейся в Археографической комиссии³⁸. Два тома «Архива П.М. Строева» под редакцией М.Г. Курдюмова, описавшего указанное собрание, и С.Ф. Платонова вышли в 1915 и 1917 гг. как выпуски «Русской исторической библиотеки» (Т. XXXII и XXXV). Таким образом, то, что выставлялось Дружининым как сугубо персональная вина Лаппо-Данилевского (отказ от стереотипной републикации «Актов Археографической экспедиции»), имело характер сознательного выбора большинства членов комиссии, стоявших на страже начального издания документов.

В рассказе Дружинина об издании писцовой и переписной книг по Нижнему Новгороду XVII в. Лаппо-Данилевский предстает дилетантом от истории. Дружинин пишет, что «в Археографической комиссии сказались странное непонимание Лаппо-Данилевским исторических событий». Доказательством для столь громкого заявления, для Дружинина, было то, что «все население, упоминаемое в книге, в предисловии Лаппо-Данилевский разбил на статистические клетки, причем в клетку людей без определенных занятий попали иконописцы и скоморохи!». Полным профаном Лаппо-Данилевский предстал перед членами комиссии, когда при традиционном чтении предисловия «заявил, что его удивляет, как нижегородская ярмарка не отразилась в этой [писцовой и переписной] книге. Мы ему заметили, что в XVII в. ярмарка была не в Нижнем, а в Макарьеве, у монастыря на 60 верст ниже по течению Волги!»³⁹. Серьезные обвинения в непрофессионализме имеют под собой, по-видимому, слабое основание. В предисловии к публикации писцовой и переписной книг никаких таблиц нет. Присутствуют лишь составленные Лаппо-Данилевским сведения о состоянии нижегородской промышленности по группам. В группу «Обработка сырья» в подраздел «Производство предметов роскоши» он отнес иконописцев, а в подраздел «Услуги нематериального свойства» – скоморохов⁴⁰. На памятном заседании Археографической комиссии 29 апреля 1896 г., согласно протоколу заседания, Лаппо-Данилевский прочел предисловие, которое, «за сделанными со стороны некоторых членов замечаниями», было одобрено к печатанию⁴¹. Протокол «глухой» и не дает данных ни «за», ни «против» столь громкого обвинения Дружинина. Мог ли магистр русской истории Лаппо-Данилевский не знать о местоположении крупнейшей российской ярмарки XVII – начала XIX в.? Мог ли выносить свое незнание на всеобщее обсуждение? Представляется, что Дружинин преувеличил степень невежества Лаппо-Данилевского в вопросах отечественной истории.

Аккуратно присутствовавшему на заседаниях Археографической комиссии Лаппо-Данилевскому, по словам Дружинина, «редакции больших изданий <...> не поручали». Лишь однажды Лаппо-Данилевскому досталось «наблюдение за окончанием (листов шесть) актов о закладчиках, которые печатал Павлов-Сильванский, и это издание тянулось года три, так что Павлов-Сильванский изныл от ожидания, а Лаппо-Данилевский не считал нужным ускорить редакцию»⁴². В очерке о Н.П. Павлове-Сильванском Дружинин, сохраняя основную канву сюжета, придает рассказу другую форму: «...помня бывшее у меня с ним [Павловым-Сильванским] недоразумение, я просил передать редакцию этого сборника другому члену комиссии. Назначили Лаппо-Данилевского. Началось печатание актов. Лаппо-Данилевский очень медленно редактировал эти акты, а Павлову-Сильванскому хотелось, чтобы акты скорей вышли в свет. Дело долго тянулось, и Павлов-Сильванский даже просил меня взять на себя редакцию актов, но сделать это было совершенно невозможно. Так совершенно независимо от меня он был наказан»⁴³. Лаппо-Данилевский предстает со страниц воспоминаний Дружинина как археограф, не стремящийся (неспособный?) к работе с полной отдачей. Протоколы

комиссии и собственно издание актов о посадских людях-закладчиках рисуют ситуацию в ином свете. Записка Павлова-Сильванского с предложением издать документы XVII в. о сыске закладчиков по Твери, найденные им среди столбцов Оружейной палаты, была зачитана на редакционном совещании 21 января 1905 г. Комиссия на заседании 8 февраля того же года одобрила помещение актов в 17-м выпуске «Летописи занятий». Как следует из предисловия к публикации и письму к Дружинину от 1 марта 1909 г., неодобрительное отношение Лаппо-Данилевского к указанному изданию носило принципиальный характер, ввиду того, что Павлов-Сильванский публиковал не весь комплекс материалов, а лишь его часть⁴⁴. Созданный в воспоминаниях Дружинина образ Лаппо-Данилевского, члена Археографической комиссии, невольно просится быть сопоставленным с таковым Платонова. Последнему поручали крупные предприятия («Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени», «Никоновская летопись», «Архив П.М. Строева» и др.), он энергично публиковал источники, был прекрасным знатоком истории. По-видимому, давая характеристику Лаппо-Данилевскому, Дружинин подсознательно рисовал его как антипода Платонова.

Деятельность Лаппо-Данилевского в Академии наук представлена Дружининым карикатурно. Само избрание в Академию Дружинин объясняет следующим образом: «его начитанность и разнообразные работы, а также начитанность (sic!) обратили на него внимание и он был избран адъюнктом Академии наук»⁴⁵. Все многообразие деятельности Лаппо-Данилевского в Академии сведено к тому, что первый был призван «распутать тяжелое наследие академика Куника». Лаппо-Данилевский предпринял усилия по окончанию печатания начатых Куником работ («до двадцати»), сумев издать лишь одну книгу о Неве и Ниеншанце⁴⁶. В очерке об А.А. Кунике Дружинин тоже коснулся неизданного наследия академика: Лаппо-Данилевский умер, «не окончив разбора начатых изданий. Пришлось просто обратиться их в макулатуру»⁴⁷. Современные исследователи смотрят на деятельность Лаппо-Данилевского в Академии наук значительно шире⁴⁸. Работа Лаппо-Данилевского по изданию трудов Куника тоже имеет иной масштаб. Как указывал сам Лаппо-Данилевский в «Записке о трудах А.А. Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии», таковых налицо было 14⁴⁹. Большинство из них было подготовлено к печати и опубликовано. Задержка с их изданием была связана с тем, что Лаппо-Данилевский при подготовке каждого осуществлял научно-исследовательские разыскания⁵⁰. Неявного сравнения с Платоновым Дружинин не делает, так как академическая деятельность первого началась уже после смерти Лаппо-Данилевского.

Дружинин кратко отметил деятельность Лаппо-Данилевского в качестве председателя Союза российских архивных деятелей⁵¹. Историческое заседание совета союза 27 марта 1918 г. нашло свое отражение в очерке, посвященном союзу. В изложении Дружинина пришедший на собрание Д.Б. Рязанов «заклучил свое обращение к совету, что хотя, конечно, совет считает его, комиссара, злом, но что с этим злом по обстоятельствам союзу приходится считаться. На это председатель, Лаппо-Данилевский, очень ловко ответил, что он, председатель, и совет считают его, Д.Б. Рязанова, вовсе не злом, а звеном от союза к Главному архивному управлению для сотрудничества»⁵². В целом союз, по мнению Дружинина, не ознаменовал «своей деятельностью никаким серьезным постановлением по архивному делу, а лишь перезнакомив архивистов между собой»⁵³. Благостная картина, нарисованная Дружининым, не соответствует таковой в изложении современных историков. Согласно исследованию Т.И. Хорхординой, Лаппо-Данилевский в начале 1918 г. в рамках союза занял антибольшевистскую позицию, а перед выступлением Рязанова на совете союза успел провести резолюцию, направленную против большевиков. Занятая затем Лаппо-Данилевским примирительная

позиция оказалась временной, и уже 8 апреля он подал в отставку с поста председателя совета союза. В число представителей союза в Центральный комитет по управлению архивами Лаппо-Данилевский не вошел⁵⁴. Если учесть, что Платонов 2 апреля 1918 г. стал представителем Петроградского университета в Центральном комитете по управлению архивами, а вскоре возглавил Петроградское отделение Главархива, оказавшись фактически ближайшим сподвижником Д.Б. Рязанова, то неявное противопоставление «болтуна» Лаппо-Данилевского и «труженика» Платонова будет явно в пользу последнего.

Дружинин завершил свой очерк о Лаппо-Данилевском общей оценкой его творчества и значения трудов. Признавая в Лаппо-Данилевском широту интересов (например, занятия математикой, философией истории, музыкой и др.), эрудицию, Дружинин отказывал первому в таланте историка. В подтверждение столь резко заключения Дружинина пересказывал их встречу в Москве в 1886 г. в меблированных комнатах «Кремль». На замечание Дружинина о превосходной игре на рояле Лаппо-Данилевского, последний «неожиданно сказал: «Знаете, мне кажется, лучше было бы мне быть музыкантом, чем историком!»». Дружинин шел дальше, утверждая, что сам Лаппо-Данилевский «чувствовал свою бесталанность». «Этим чувством и чувством зависти я объясняю его враждебное отношение к другому русскому историку – С.Ф. Платонову, который уступал Лаппо-Данилевскому в эрудиции и общем образовании, но был несравненно его талантливой, что видно в его работах, которые хорошо известны и переведены на французский, немецкий и английский

языки, в его лекциях и читанных им рефератах». Коснулся Дружинин учеников Лаппо-Данилевского (числом до 15), из которых никто не стал выдающимся историком. Многие из учеников, по утверждению Дружинина, «еще при жизни его [Лаппо-Данилевского] почувствовали схематичность его руководства, отходили от него и переходили в семинарий пр. Платонова, где получали большее удовлетворение»⁵⁵. Как видим, росшее исподволь противопоставление Платонова и Лаппо-Данилевского достигло своего апогея в выводах. Дружинин уже не скрывал своих симпатий к Платонову и неприязни к Лаппо-Данилевскому.

Подведем итоги. Созданные на излете жизни мемуары стали для В.Г. Дружинина не только средством его материального благополучия. В очерках, выстроенных в хронологическом порядке, он запечатлел широкий круг деятелей и учреждений ушедшей эпохи, не стесняясь своей субъективности. Эмоционально окрашенные мемуары Дружинина имели целью как информирование заинтересованного читателя, так и расстановку правильных акцентов. В случае с А.С. Лаппо-Данилевским очерк вышел весьма далеким от беспристрастности. Дела и труды Лаппо-Данилевского неявно сравнивались с таковыми другого историка, С.Ф. Платонова, с симпатией к последнему. В завершение статьи не могу не присоединиться к звучащему рефреном во многих статьях призыву: воспоминания В.Г. Дружинина должны быть изданы целиком с надлежащими комментариями. Эта публикация, без сомнения, займет достойное место среди важных для понимания эпохи мемуарных свидетельств.

¹ См., например: *Берестецкая Т.В.* О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В.Г. Дружинина // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции: Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г., 25–28 февр. 1992 г. / Редкол. В.М. Тотин (отв. ред.) и др. СПб., 1992. С. 75–76; *Она же.* О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В.Г. Дружинина // Очерки по истории отдела нумизматики / Отв. ред. А.С. Мельникова. М., 1993. С. 70–80 (Труды Государственного исторического музея; Вып. 83; Нумизматический сборник; ч. 12); *Мамонтова М.А.* Воспоминания В.Г. Дружинина как историографический источник // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. / Сост. Р.Б. Казаков; Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М., 2002. С. 319–321; *Гайдуков П.Г.* «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // Российская археология. 2010. № 4. С. 136–142.

² Ср., например: *Бухтер В.Г.* С.Ф. Платонов и «кружок русских историков» // Археологический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 127; *Мамонтова М.А.* Указ. соч. С. 320 и др.

³ *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин: Новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. / Под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 224 (Исследования по русской истории; вып. 2); *Чебанов В.Д.* Последние годы В.Г. Дружинина // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): Материалы науч. чтений 10 авг. 2010 г. / Отв. ред. И.М. Беляева. СПб., 2010. С. 163–164.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 612 (Государственный литературный музей). Оп. 1. Д. 839. Л. 1; Д. 3049. Л. 140; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 267. Д. 17. Л. 8 об., 26.

⁵ *Плигузов А.И.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 20, 21; *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин. С. 225; *Чебанов В.Д.* Указ. соч. С. 164–165.

⁶ *Дружинин В.Г.* В Центральную Комиссию по руководству чистой Советского Аппарата при Н[ар]К[омате] Р[абоче]-К[рестьянской] И[нспекции] СССР / Смирнова Т.Г. О творчестве и жизни В.Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX веков / Ред.-сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович; Отв. ред. Э.И. Колчинский, В.Н. Плешков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 489.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 9.

⁸ Там же. К. 145. Д. 30. Л. 1, 2, 3, 3 об., 4 об., 5–5 об., 6–7, 8–8 об., 9–9 об.; К. 267. Д. 17. Л. 1 об. – 2, 3 об., 4–4 об., 6, 7.

⁹ Там же. Л. 8–9 об.; К. 145. Д. 30. Л. 10–11; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 1–1 об.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 10–10 об., 11–11 об.; К. 145. Д. 30. Л. 12; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 2.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 448. Д. 80. Л. 3, 4. Окончательный расчет (3000 р.) состоялся в августе 1933 г. (см.: Там же. Л. 5).

¹² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 20. Л. 33, 34. Ср.: *Чебанов В.Д.* Указ. соч. С. 165.

¹³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 841. Л. 4.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 13–13 об., 14–14 об.; К. 145. Д. 30. Л. 14–14 об., 15; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 4–4 об., 5.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 14, 15; К. 145. Д. 30. Л. 15; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 5. Очерк см.: РГАЛИ. Ф. 167 (В.Г. и А.В. Дружинины). Оп. 1. Д. 3.

¹⁶ *Дружинин В.Г.* А.В. Дружинин (1824–1864) и его дневник (По семейным воспоминаниям) // Дружинин А.В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М., 1986. С. 421–426 (Литературные памятники).

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 14 об.; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 5.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 15 об., 17, 18, 18 об., 21; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 6.

¹⁹ *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин. С. 225.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 19, 19 об., 20–20 об., 21, 22, 23–23 об., 24–24 об., 25–25 об., 27–27 об., 28 об., 30–30 об., 31–31 об., 32, 33 об., 34 об., 35 об., 36, 38; К. 145. Д. 30. Л. 19; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 6, 11, 13, 24. Очерк «Описание сельца Марьянское» см.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 12. Очерк «Букинисты с 1874 по 1915 г.» см.: Там же. Д. 4.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 145. Д. 30. Л. 21; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 18.

²² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 37–37 об., 39, 41; К. 145. Д. 30. Л. 22, 23, 30, 32; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 22, 23, 24–24 об., 25–25 об., 31–33, 35, 68, 69 об., 70.

²³ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 46 об., 47–47 об., 48–48 об.; К. 145. Д. 30. Л. 24, 27, 29, 30, 33; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 38, 50, 52, 54, 55 об., 60, 62 об., 63, 66 об., 67, 68, 73, 74; Д. 841. Л. 3 об., 14, 16 об., 21–21 об., 24, 31.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 145. Д. 30. Л. 33, 35, 36, 37, 38–38 об., 39, 40, 41–41 об.; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 73, 74–74 об., 76, 77–77 об., 84–84 об., 88–88 об., 91–91 об., 98–98 об., 99, 100 об., 101, 102, 103–103 об., 106–106 об., 107–107 об., 113, 117–117 об., 122, 123–123 об., 125–125 об., 127–127 об., 131–131 об., 132, 137, 146, 150–153, 158–158 об., 159–159 об., 165–165 об., 167, 172–172 об., 174–174 об.; Д. 841. Л. 39, 40–41, 43.

²⁵ Там же. Д. 839. Л. 175, 177–177 об., 179, 180, 182, 183–183 об., 184–184 об.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 16. Л. 1 об., 5–6 об.; Д. 17. Л. 44, 45, 49, 50–50 об., 51–51 об.; К. 145. Д. 30. Л. 31, 42; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 186.

²⁷ Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин. С. 226.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 117 об.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6–10.

³⁰ *Трибунский П.А.* Эпистолярные материалы А.С. Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2003. С. 338 (Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории; вып. I). Подробнее о взаимоотношениях А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова см.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128–165.

³¹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 121 об.–122.

³² Там же. Л. 63 об.

³³ Там же. Л. 122–122 об.

³⁴ Там же. Л. 42–42 об.

³⁵ Там же. Л. 116 об.

³⁶ См.: *Летопись занятий Археографической комиссии, 1888–1894 годы.* СПб., 1903. Вып. 11. С. 180, 184; То же 1895–1899 годы. СПб., 1901. Вып. 12. С. 26–28; То же за 1903 год. СПб., 1905. Вып. 16. С. 9.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 122–124 об.

³⁸ *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1904 год.* СПб., 1907. Вып. 17. С. 16; То же за 1905 год. СПб., 1907. Вып. 18. С. 15–16, 17, 20–22; То же за 1906 год. СПб., 1907. Вып. 19. С. 60. Доклад Н.П. Павлова-Сильванского см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Погрешности актов Археографической экспедиции // *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1904 год.* СПб., 1907. Вып. 17. С. 1–46 отд. паг.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 124 об.–125.

⁴⁰ [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие] / Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду / Под ред. и предисл. А.С. Лаппо-Данилевского // *Русская историческая библиотека.* СПб., 1898. Т. XVII (сборный). С. XIX.

⁴¹ *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1895–1899 годы.* СПб., 1901. Вып. 12. С. 55.

⁴² РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 125–125 об.

⁴³ Там же. Д. 8. Л. 170–170 об.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 304. Л. 23; *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1905 год.* СПб., 1907. Вып. 18. С. 4–5; То же за 1908 год. СПб., 1909. Вып. 21. С. 23; *Сильванский Н.П.* Акты о посадских людях-закладчиках / Напечатано под ред. А.С. Лаппо-Данилевского // *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1909 год.* СПб., 1910. Вып. 22. С. III–IV.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 122 об.–123.

⁴⁶ Там же. Л. 125 об.

⁴⁷ Там же. Л. 191 об.–192

⁴⁸ См.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // *Источник. Историк. История:* Сб. науч. работ / Редкол.: Н.Б. Вахтин (отв. ред.) и др. СПб., 2001. Вып. 1. С. 135–256.

⁴⁹ *Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1900.* С приложением алфавитного указателя. [СПб., 1901]. § 41; *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А. Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии // Там же.

⁵⁰ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2003. С. 151–156 (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы»; т. 7).

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 126.

⁵² Там же. Д. 9. Л. 170 об.–171.

⁵³ Там же. Л. 171 об.

⁵⁴ *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы, 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 22, 46–49, 52–54.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 125 об.–128.